

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/mvklfg>

Записки, резолюции и штаты в системе нормативных правовых актов Российской империи в начале XIX века

Минникес Ирина Викторовна

Байкальский государственный университет, Россия, Иркутск

<https://orcid.org/0000-0002-2550-8949>

ivminnikes@mail.ru

Аннотация: Юридической практике Российской империи в начале XIX в. известно несколько форм нормативных правовых актов. Некоторые, обозначенные в данной работе как *узаконенные*, предусмотрены особой ст. 53 Свода Законов Российской империи. Это манифесты, указы, инструкции и др. Цель – установить, какие формы нормативных правовых актов применялись для воплощения правовых предписаний в обозначенные хронологические периоды, и выявить формы нормативных актов, которые не были предусмотрены статьями Свода законов. На основании изучения Полного собрания законов Российской империи установлено, что применялись и иные формы нормативных актов, о которых ничего в Своде не сказано. Обозначенные группы форм актов в исследовании именуется *узаконенными* и *иными*. *Иные* формы актов представляют собой обширную группу, куда входят Высочайше утвержденные Табели, Плакаты, Планы, Журналы и т. п. Наиболее часто используются законодателем такие формы, как Высочайше утвержденные Штаты, Резолюции и Записки. Высочайше утвержденные Штаты определяли состав конкретного хозяйствующего субъекта или элемента государственного механизма: министерства, канцелярии, полицейского или военного подразделения, иногда с указанием должности и соответствующего ему жалования. Высочайшие Резолюции – это письменная реакция, ответ императора на действия (сообщение, акт) представителя любого органа государства или официального лица. Записка – это направленное императору представителем власти предложение конкретных мер и действий (законопроектов). Император придает им юридическую силу определенными формулировками: *Исполнить*, *Быть по сему*. Отмечено, что наиболее активно эти формы актов используются в период реформ. В результате было определено место Штатов, Резолюций и Записок в системе *иных* форм нормативных актов, рассчитаны их количественные характеристики.

Ключевые слова: право, источники права, нормативный правовой акт, право XIX в., российское законодательство, Полное собрание законов Российской империи

Цитирование: Минникес И. В. Записки, резолюции и штаты в системе нормативных правовых актов Российской империи в начале XIX века. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 2. С. 205–213. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-205-213>

Поступила в редакцию 05.03.2024. Принята после рецензирования 25.03.2024. Принята в печать 25.03.2024.

full article

Notes, Resolutions, and States in the System of Normative Legal Acts of the Russian Empire in the Early XIX Century

Irina V. Minnikes

Baikal State University, Russia, Irkutsk

<https://orcid.org/0000-0002-2550-8949>

ivminnikes@mail.ru

Abstract: In the early XIX century, the legal practice of the Russian Empire used several forms of normative legal acts. The *legalized* forms were provided for by Article 53 of the Code of Laws of the Russian Empire. The list included manifestos, decrees, instructions, etc. The author matched normative legal acts with the legal prescriptions that implemented them, as well as identified the forms of normative acts that were not provided for by the Code of Laws. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire also contained some *other* forms of normative acts, not mentioned in the Code. These *other* forms included timesheets, posters, plans, journals, etc., approved by the Emperor. States, resolutions, and notes were the most popular variants. States determined the composition of a specific business entity or element of a state mechanism, e.g., a ministry, an office, a police or military unit, etc. Sometimes, they indicated positions and corresponding salaries. Resolutions were Emperor's written responses to an action (message

or act) of a government representative. Notes were proposals of specific measures and actions sent to the Emperor by a government representative. The Emperor gave them legal force with certain formulas, e.g., *To Execute* or *So Be It*. These forms of acts were quite wide-spread during the reform period. The article describes the place of states, resolutions, and notes in the system of normative acts, as well as provides their quantitative analysis.

Keywords: law, sources of law, normative legal act, law of the XIX century, Russian legislation, Complete Collection of Laws of the Russian Empire

Citation: Minnikes I. V. Notes, Resolutions, and States in the System of Normative Legal Acts of the Russian Empire in the Early XIX Century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(2): 205–213. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-205-213>

Received 5 Mar 2024. Accepted after review 25 Mar 2024. Accepted for publication 25 Mar 2024.

Введение

Российское законодательство первой половины XIX в. представляет собой ключевой этап развития русского права. С одной стороны, оно является результатом многовековой эволюции, своеобразным итогом, знаменующим переход от архаичных форм и казуального содержания к упорядоченной системе формализованных предписаний в условиях «бережного отношения к нормам отечественного права» [1, с. 11], но признавая тот факт, что обычное право уже не справляется с запросами развивающегося общества [2, с. 380]. С другой стороны, в праве этого этапа заложены основы современного права и угадываются черты его важнейших источников [3, с. 78].

Первенство среди источников права в период империи, равно как и в современную эпоху, принадлежало нормативному правовому акту¹ [4, с. 42; 5, с. 11; 6, с. 90; 7]. Разумеется, четкая современная иерархия нормативных актов, в которой главенствующее место отведено закону, в XIX в. еще не сложилась, хотя некоторые авторы [8, с. 244] указывают на наличие определенной системы источников позитивного права в Своде законов Российской империи² (Свод, Свод законов). Трудно построить систему актов на основании их юридической силы, т. к. большинство актов либо исходили напрямую от императора, либо получили высочайшее подтверждение посредством подписи, наложения резолюции, выражения одобрения.

Имеется уточнение, изложенное в ст. 53 Свода «Изъяснения закона, коими устанавливается токмо образ его исполнения, или же определяется истинный его разум, могут быть излагаемы по словесным Высочайшим повелениям в виде указов, объявляемых местами и лицами, от Верховной Власти к сему уполномоченными». Другими словами, акты данного содержания не требуют письменного утверждения

императора. Однако изучение списка актов, вошедших в Полное собрание законов Российской империи, порождает сомнения в том, что сам законодатель следовал собственному принципу.

Сложность разграничения отмечали и современники: так, Н. М. Коркунов не раз говорил о возможности формального разграничения закона и указа в период абсолютной монархии [9; 10]. Однако С. А. Котляревский серьезно сомневался в этом применительно к практике, ссылаясь на особый о том Указ Сената [11]. М. М. Сперанский считал существенным недостатком то, что «к законам причислены уставы и учреждения, которые уже не суть законы, но меры, к исполнению законов прилагаемые» [12, с. 91].

По справедливому заключению Т. Н. Ильиной, «в условиях самодержавной монархии строго разграничить законодательные акты и акты управления невозможно» [13]. Причины невозможности «выстроить четкую иерархию нормативных актов» автор видит и в несовершенстве законодательных процедур, и в постоянной смене круга лиц и органов, имеющих право принимать такие акты, и, на чем необходимо сделать акцент в контексте данного исследования, в большом количестве форм закона [13].

Систематизация различных форм проведена в ст. 53 Свода законов Российской империи: «законы издаются в форме уложений, уставов, учреждений, грамот, положений, наказов (инструкций), манифестов, указов, мнений Государственного Совета и докладов, удостоенных Высочайшего утверждения. *Примечания* Высочайших повеления в порядке управления изъясняются сверх сего рескриптами и приказами».

Иными словами, в статье предусмотрено несколько форм для изложения законодательных предписаний и две формы – рескрипты и приказы – для актов

¹ Термин *нормативный правовой акт* широко используется в научной литературе (см. список) применительно к источникам права начала XIX в. и даже более ранним эпохам.

² Здесь и ниже статьи Свода Законов даны по изданию: Свод законов Российской империи, повелением государя Императора Николая Павловича составленный. Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 1. Основные законы и учреждения государственные. СПб.: Тип. II Отделения СЕИВК, 1832.

исполнительного характера. С позиции оценки их юридической силы представляется неверным считать это деление аналогом современной градации на законы и подзаконные акты, т. к. оно произведено по иному основанию – содержательной стороне документа. Как подчеркивал Ф. В. Тарановский, «задачей исторического учения об источниках права должно быть установление схемы источников права для каждого отдельного периода исследуемой истории права» [14, с. 2]. Поэтому современная градация по юридической силе в этом контексте не сработает. Но если руководствоваться не современными разработками, а логикой права начала XIX в., то и первую, и вторую группу актов можно считать комплексом разных форм нормативных правовых актов. Именно с этих позиций и будет проведен анализ законодательства определенного исторического этапа.

Нормативной базой для исследования являются только акты, вошедшие в Полное собрание законов Российской империи³ (Полное собрание, ПСЗРИ). Хронологическую базу статьи представляют акты периода царствования императора Александра I (взяты законодательные акты трех первых (1801–1803 гг.) и трех последних (1823–1825 гг.) лет правления).

Выбор хронологических рамок исследования продиктован несколькими соображениями. Первое связано с тем, что первая четверть XIX в. – период существенных реформ в области государственного управления, период «приспособления политического строя России к буржуазным отношениям» [15, с. 138], поэтому представляет особый интерес нормативное воплощение идей государственной власти. Второе соображение проистекает из предположения о связи форм нормативных правовых актов с системой государственных органов и в определенной мере с изменением политического курса в стране. С этих позиций выбор первых лет правления Александра I, ознаменованных стремлением к восстановлению принципов *просвещенного абсолютизма* Екатерины II, к созданию *истинной монархии* с рядом фундаментальных законов [16; 17, с. 4–5], и последних лет, когда «бремя власти выдавило из него все либеральные начала» в пользу деспотии, когда «произошел окончательный поворот к реакции» [18, с. 3; 19, с. 128; 20] оправдан.

Безусловно, ст. 53 Свода помогает сориентироваться в общей массе законодательных актов империи. Однако предусмотренными в статье формами нормативных правовых актов законодатель не ограничился. Поэтому вопрос о том, насколько разнообразным ассортиментом правовых инструментов располагала имперская власть для воплощения нормативных предписаний, может дать представление о праве конкретного этапа в целом. Дополнительную

характеристику источников российского права можно получить посредством сравнения форм актов, которые законодатель закрепил с помощью правовых норм (ст. 53 Свода законов), и тех, которые не предусмотрены данным исследованием, но встречаются среди нормативных правовых актов. Первая группа нормативных правовых актов в этой работе обозначена как *узаконенные* формы нормативных правовых актов. Те формы, которые не предусмотрены в ст. 53, названы в статье *иными* формами актов.

Цель – установить, какие формы нормативных правовых актов применялись для воплощения правовых предписаний в обозначенные хронологические периоды, и выявить формы нормативных актов, которые не были предусмотрены статьями Свода законов.

Прежде чем начинать работу с обозначенными формами нормативных актов, необходимо сделать несколько замечаний:

1. Собрание законов, каковым представлено ПСЗРИ, включает и акты, которые, по идее М. М. Сперанского, относятся к действию власти исполнительной, поскольку «учреждают только образ исполнения первых» [21]. К таковым автор отнес уставы и учреждения. Однако, как было отмечено ранее, эти формы Сводом в ст. 53 включены в перечень форм закона. Из-за отсутствия официальной градации нормативных правовых актов на законы и акты исполнительной власти в расчетах будем руководствоваться общими цифрами.

2. Реальное количество актов и расчет по нумерации документов в Полном собрании не всегда соответствуют друг другу, поэтому общее количество актов указано с учетом погрешностей нумерации и наличия актов с дополнительным буквенным обозначением. К тому же учтены акты, которые включены в Приложение к т. 40 Полного собрания (табл. 1).

Методы и материалы

Методологическую основу работы составили общенаучные методы, математические расчеты, а также сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Сравнительно-правовой диахронный метод позволил провести сопоставление системы нормативных предписаний начала столетия (1801–1803 гг.) и окончания правления Александра I (1823–1825 гг.), обобщить полученные данные и на основе метода моделирования построить примерную схему развития права обозначенного периода. С помощью формально-юридического метода получены данные о формах нормативных правовых актов исследуемого периода, их количественном соотношении между собой и доле в общем числе нормативных актов.

³ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. В 46 т. СПб.: Тип. II Отделения СЕИВК, 1832.

Табл. 1. Общее количество нормативных актов по годам

Tab. 1. Total number of regulations by year

Год	Нумерация актов	Количество актов
1801	19779–20098	320
1802	20099–20578	488
1803	20579–21111	536
1823	29254–29724	477
1824	29725–30189	470
1825	30190–30600	411
Итого		2702

Результаты

Непосредственное изучение форм актов, которые фигурируют в списке нормативных правовых актов (узаконенных форм), дает следующие результаты:

- Акты, вошедшие в ПСЗРИ, действительно часто имеют названия, обозначенные в ст. 53 Свода законов: Грамота (Жалованная грамота), Манифест, Высочайше утвержденные мнения Государственного Совета и доклады различных органов государства.
- Значительную долю актов составляют документы, обозначенные в ПСЗРИ просто как *Именные*, например, «Именный, данный Военной Коллегии» от 4 июня 1803 г., «Именный, данный Синоду» от 15 мая 1824 г., «Именный, объявленный в приказе Начальника Штаба» от 31 мая 1824 г. и т. д. Слово *указ*, видимо, подразумевается и общеизвестно в рамках соответствующего хронологического периода: именно данный акт стал самым распространенным документом, издаваемым монархом или от его имени Сенатом [22, с. 150; 23]. Правда, незначительное⁴ количество документов 1801–1803 гг., исходящих от Военной Коллегии, все-таки поименованы указами (в частности, Указ из Военной Коллегии в следствие Именного «О неупотреблении в приговорах речи: нещадно» от 18 января 1802 г., Указ из Военной Коллегии «О порядке отставки от службы нижних воинских чинов, сделавшихся неспособными к оной за увечьями» (апреля 1803 г.) и др.), но в последние три года правления Александра I эти наименования не встречались.
- Весомую долю в общем количестве актов составили Высочайше утвержденные Положения, например, Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров «Об устройении переселенцев, в Гижигинском крае водворяемых»

от 30 января 1823 г.; Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров «О переводе Новгородской Межевой Комиссии в Старую Русу» и др. Но на начальном этапе правления Александра такой формы нормативного акта не было. Это вполне объяснимо, поскольку львиная доля положений исходит от комитета министров, созданного Манифестом от 8 сентября 1802 г.

- Остальные формы, легитимированные ст. 53 Свода законов, составляют очень незначительную долю нормативных актов. Например, форму в виде Инструкции (Высочайше утвержденной Инструкции, Дополнения к Инструкции) за все это время использовали всего восемь раз. Высочайше утвержденное Учреждение за исследованный период появилось всего трижды.
- Рескриптами и Приказами ПСЗРИ также не богато. Если приказ как форма нормативного акта, например, Высочайший приказ «О именовании Одесского гусарского полка Уланским Его Императорского Высочества Константина Павловича» от 11 сентября 1803 г., встречается несколько раз: один раз в 1803 г., один – в 1823 г. и четыре – в 1825 г., то Высочайшие Рескрипты еще более редки – всего два: от 22 сентября 1803 г. и 12 декабря 1825 г.

Содержание ст. 53 Свода исчерпывается указанными выше формами нормативного правового акта. Но вот в Полном собрании можно найти еще ряд своеобразных форм нормативных актов императора, причем как единичных, так и вполне распространенных в практике законодателя. Это, к примеру, Высочайше утвержденные Штаты, Резолюции, Правила, Записки, Повеления, Постановления и даже План. Кроме того, можно встретить в списках нормативных актов данного этапа такие формы, как Табель, Плакат, Форма, Расписание, Декларация и Журнал. Каждая из форм заслуживает внимания. Чаще всего среди *иных* форм нормативных правовых актов встречается такое наименование, как Высочайше утвержденные штаты (другие названия – штат, примерные штаты).

В обозначенных хронологических рамках указанная форма актов использована 38 раз, т. е. больше, чем легитимированные Рескрипты, Приказы, Инструкции и Учреждения вместе взятые. При этом данная форма в той или иной степени присуща каждому году, о чем свидетельствует таблица 2.

Каков характер документов, названных *штатами*? По форме изложения в ПСЗРИ это сложные акты, которые состоят из двух частей: наименования акта, изложенного в основной части конкретного тома Полного собрания, и документа, внесенного в т. 44 ПСЗРИ «Книга штатов». Например, «Штаты» от 1 августа 1802 г.

⁴ В 1801 г. – 5 из 320; в 1802 г. – 12 из 488; в 1803 г. – 16 из 536 актов.

Табл. 2. Количество актов, именуемых Высочайше утвержденными штатами (примерными штатами), резолюций, записок

Tab. 2. States, resolutions, and notes approved by the Emperor

Год	Количество Штатов	Число Резолюций	Число Записок
1801	1	4	0
1802	11	6	3
1803	13	12	1
1823	3	3	5
1824	8	2	4
1825	2	1	3
Итого	38	28	16

состоят из указанного на с. 213 т. XXVII ПСЗРИ «Высочайше утвержденного штата двум Московским временным Палатам Гражданского Суда для решения прежних по 1802 г. вступивших дел» названия, заканчивающегося ссылкой *смотри книгу штатов*, и их содержания, прописанного на с. 7 ч. 2 т. XLIV ПСЗРИ. Именно в содержательной части этого акта указано, что в каждой палате суда должно состоять по одному председателю в чине 5 класса с жалованием в одну тысячу руб., по одному советнику 6 класса с жалованием 750 руб., по два заседателя от дворян 7 класса с жалованием по 680 руб. каждому, а также предлагаются такие лица, как секретарь, протоколисты, переписчики и т. п.

Интересно, что некоторые акты с иными наименованиями также имеют приложения в виде штатов. В отличие от исследуемой формы акта, их содержание неполностью выведено в т. 44. Например, в т. 44 имеется документ, прилагаемый к акту № 29366 от 18 мая 1823 г. Он назван «Высочайше утвержденный штат Комиссиям, учреждаемым для приведения в известность существующих на имениях запрещений». Однако это приложение не к документу, именуемому «Штатом», а к Высочайше утвержденному мнению Государственного совета «Об учреждении Комиссий для свода запретительных и разрешительных книг. С приложением Правил и Штата тем Комиссиям и формы свода означенных книг». Отличие состоит еще и в том, что это «Мнение» – самостоятельный документ со своими правовыми предписаниями в соответствующем в данном случае в т. XXXVIII ПСЗРИ, а не только название акта, как это принято для «Штата». В связи с этим форма нормативного акта отнесена к «Мнениям», а не к «Штатам».

По содержанию Штаты, в соответствии с наименованием, определяют состав конкретного структурного

элемента государственного механизма или хозяйствующего субъекта. В 1801 г. Высочайше утвержденные штаты определили состав Кирасирского полка, эскадронов при Кирасирских полках и т. п., т. е. тех, кто имел военно-организационное назначение.

Ту же направленность имели два акта, изданные под именем штатов в 1802 г. Но, помимо военной сферы, в этом же году Штаты четыре раза были адресованы управлению губерний, один раз были посвящены составу лиц, обслуживающих мызы Ропша и Кипень, с указанием размеров оплаты каждому и сумм на хозяйственные расходы. Оставшиеся четыре Штата урегулировали вопросы министерских окладов, организацию специального «Комитета для поверхностного обозрения дел по всеподданнейшим жалобам на решение Сената», состав и жалование нескольких судебных палат.

Акты, названные штатами в 1803 г., также многочисленны, но содержательная направленность несколько изменилась. Из четырнадцати документов в пяти регламентируются штаты полиции конкретных городов – Твери, Астрахани и др. Один акт объявил о составе военизированного подразделения – Нерчинской горной штатной команды, еще два – о штате Государственного архива и Лесного департамента. Отдельным документом обозначен состав Императорской шпалерной мануфактуры. Два Штата урегулировали вопросы состава канцелярии Херсонского военного губернатора и пополнения Одесской таможни.

Особый интерес представляют два Штата, утвержденные 3 ноября 1803 г. Оба документа направлены на кадровое и материальное обеспечение эмиссии государственных ассигнаций. В одном Штате предусмотрено количество, должности и жалование лиц, состоящих на казенной фабрике «для делания ассигнационной бумаги» (№ 21030 в ПСЗРИ), а в другом – кадровый состав и жалование «Экспедиции заготовления листов для государственных ассигнаций и всегдашней при ней Типографии для печатания ассигнаций». Лишь один Штат имеет дело с военными формированиями – от 26 сентября 1802 г.

В 1823 г. Штаты не слишком востребованы. Было издано всего три документа с таким названием. При этом акт от 2 апреля 1823 г. ограничен Гоф-интендантской конторой Елагино-Островского дворца наследника престола, второй – от 8 мая 1823 г. – придворным «Экипажным заведением». Последний Штат, утвержденный 15 июня 1823 г., касается кадрового состава и расходных статей (на содержание лошадей, на починку, на освещение, на библиотеку и т. п.) «Санктпетербургского императорского Ботанического Сада».

Интерес к данной форме нормативного правового акта существенно вырос в 1824 г. Их тематика

распределилась следующим образом: три «Штата» предусматривают кадровые составы полиции нескольких городов, два ориентированы на армию, один документ подробно расписывает внутреннюю структуру Министерства уделов, а два оставшихся регламентируют состав канцелярий, причем одна канцелярия принадлежит инспекции оружейных заводов, а другая – капитулу российских орденов.

Заключительный этап данного исследования, 1825 г., ознаменовался принятием всего двух документов с наименованием «Штаты». Один акт определил состав инженерного корпуса, т. е. поддержал традицию внедрения указанной формы в военную тематику. Второму отведена похожая сфера. Это «Штат церкви Св. Александра Невского, устроенной при учебной Артиллерийской бригаде и Артиллерийском училище» от 4 октября 1825 г.

Обобщая выясненные факты, можно заключить, что такая форма акта, как Штаты, использовалась достаточно широко независимо от хронологического этапа. С точки зрения содержания можно выявить несколько постоянных специализаций этой формы акта: армия и военизированные формирования, полиция и органы управления. Однако возможна и иная тематика документа, имеющая форму штата.

Второе место по распространенности занимает форма нормативного правового акта с наименованием Высочайшая Резолюция (Резолюция). Количество иных актов такой формы – без малого три десятка. При этом Резолюции, как и Штаты, присутствуют в законодательстве каждого этапа исследуемого периода (табл. 2).

Резолюция как форма нормативного правового акта XIX в. также обладает особыми чертами. Во-первых, резолюция дается на какой-либо документ (чаще всего на доклад, реже – записку). Например, Высочайшая Резолюция на доклад генерала от инфантерии Лама «О производстве жалования Старшинам казачьих войск против Гусарских Офицеров» от 17 августа 1801 г. Во-вторых, акт состоит из двух частей. В первой части излагается суть доклада (записки). Вторая часть называется «Резолюция». В ней отражена реакция императора на данный доклад. Так, указанная выше Резолюция по докладу генерала Лама завершается разделом «резолюция», в котором объясняется, что касательно запрошенного генералом жалования казачьих старшин «по сему докладу Его Императорское Величество повелеть соизволил». При этом нормативный характер Резолюции очевиден, даже если сам доклад касается конкретной ситуации.

Например, некий Федор Зеленовский вышел в отставку на инвалидное содержание, но из-за невозможности содержать себя за счет жалования инвалида попросил Военную Коллегию уволить его на собственное пропитание, о чем доложила императору Военная

коллегия (Высочайшая резолюция на доклад Военной коллегии от 25 июня 1802 г.). Тем не менее документ имеет нормативно-правовой характер, поскольку завершающая часть, а именно резолюция этого акта, распространяет свое действие и на иные подобные случаи. В ней написано: «Высочайше повелено: уволить на собственное пропитание и снабдить об отставке указом (Зеленовского – примечание мое – И. М.), что может Коллегия исполнить и впредь и в разсуждении тех, кои, подобно ему, просить будут о смещении с инвалидного содержания на свое пропитание». Другими словами, именно в этой части заложена норма-предписание монарха.

Тематика Резолюций различна. Доклад может касаться патента на мореплавание на купеческих судах, перевода нижних воинских чинов из полка в полк, отстранения судей от должности (1801 г.), расходов Военной Комиссии, увольнения с инвалидного содержания на собственное пропитание, порядка представления в чины канцелярских служащих (1802 г.). Наиболее широкий круг вопросов представлен Резолюциями 1803 г.: это акты, регламентирующие сопоставление состояния и доходности пожалованных и коронных имений, исправление ветхих и строительство новых казенных зданий, ношение мундиров, соединение войсковых формирований, запрет гражданским чиновникам давать инвалидное содержание и его размеры в соответствии с личными качествами и заслугами, курс иностранных денег, нормы фуража, принятие прошений штаб- и обер-офицеров и даже штаты губерний. Общим для Резолюций начала века было наличие актов финансовой тематики.

Из данных таблицы 2 очевидно, что в три последних года правления Александра I Резолюции были не столь востребованы: их количество равномерно снижалось от года к году. Кроме того, несколько изменился характер представленного акта. Две из трех Резолюций, датированных 1823 г., основаны на конкретных судебных тяжбах. Но только в одной, от 7 мая 1823 г., резолютивная часть отправляет к общему запрету рыбной ловли на фарватере. Вторая Резолюция от 24 апреля 1823 г. имеет двойственную природу, в которой предписания общего характера неочевидны. Третья Резолюция представляет собой утверждение штатов конских заводов и конно-заводского управления.

Резолюции 1824 г. имеют территориально ограниченные рамки действия. Одна (от 8 ноября 1824 г.) предписывает изменить штат Санкт-Петербургского земского суда, другая (от 20 декабря 1824 г.) дарует привилегию архангельским рыбопромышленникам. Но следует отметить, что единственная Высочайшая Резолюция заключительного этапа правления Александра I от 13 июня 1825 г. (на записку исправляющего должность Вице-Директора Инспекторского Департамента) «О производстве

фельдфебелей, по выслуге лет в сем звании, в Подпоручики» принята в соответствии с более ранними канонами: предметом спора стало исключение из приказа о производстве фельдфебеля Леонова. В Резолюции в качестве императорского предписания указано: «Высочайше повелено Леонова произвести в Подпоручики и впредь выслуживших в фельдфебельском звании лета производить в Подпоручики».

Таким образом, Резолюции представляют собой довольно устойчивую во временном контексте форму нормативного правового акта, которая имеет сложную структуру. Нормативная часть акта находится в конце документа и представляет собой одобрение императором действия (акта, сообщения, мероприятия) представителя любого органа государства или официального лица.

Третью по распространенности группу нормативных правовых актов XIX в. сформировали *Высочайшие утвержденные записки*. Структурно Записка представляет собой изложение от имени официального лица определенных событий или проблем индивидуального, территориального или общегосударственного масштаба и предложение о том, что следует сделать, чтобы проблема разрешилась и ситуация улучшилась. Завершает Записку резолюция монарха, которая в отличие от заключительной части Высочайших резолюций не содержит нормативного предписания, а одобряет предложенные меры определенными формулировками: *Исполнить, Быть по сему*.

Некоторые Записки завершает не резолюция монарха, а косвенное его одобрение. В этом случае официальное должностное лицо, например министр, излагает, что «Высочайше повелено» по поводу предложенных в Записке мер. Примером может служить Записка министра внутренних дел «О жаловании священникам, определяемым в Новороссийския колонии, и о производстве онаго от казны в течение определенной колоницам десятилетней льготы» от 27 октября 1803 г., в конце которой рукой самого министра подписано, что «Высочайше повелено... жалование на основании сия записки определить». Фактически по содержанию Записки можно разделить на два вида:

1. Первые имеют вид готового законопроекта. Например, в Записке министра финансов от 20 июля 1825 г. должностное лицо сетует на недостатки местной системы надзора за питейными заведениями. Чтобы прекратить злоупотребления, убытки казны и *законопротивные* деяния, министр счел необходимым создание подконтрольной ему службы инспекторов питейного сбора. Завершается предложение формулировкой: «Министр Финансов, представляя о сем предположении на благоусмотрение Вашего Императорскаго Величества, осмеливается всеподданнейше испросить Высочайшаго утверждения».

Таким образом, в тексте Записки содержится хорошо продуманный и логично выстроенный законопроект, текст которого представлен императору для одобрения. Юридическую силу данной Записке придает резолюция императора «Исполнить».

2. Второй вид – это записки, основанные на конкретном событии. Например, в Записке того же министра финансов от 27 марта 1825 г. он сообщает о просьбе советника Кавказской казенной палаты Кошелева дать ему отпуск на пять месяцев для лечения. Министр жалуется на то, что частые отсутствия и вакансии членов палаты «препятствуют исправному течению дел». Выход из сложившейся ситуации министр видит в дополнении штата палаты еще одним советником, о чем и сообщает монарху.

Записки, представленные в ПСЗРИ, как и Резолюции, разнообразны по целевой направленности. Несколько Записок исходят от министра финансов. Особый интерес представляют Записки императрицы Марии Федоровны. Например, Записка Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны «О новом постановлении займов из сохранных казен под залог деревень» от 5 июля 1824 г. В Записке, как и положено, имеется предложение об обнародовании постановления о займах под залог. Обратит внимание стоит на то, как выглядит резолюция об одобрении императора: «С предложением Вашего Императорскаго Величества совершенно согласен» – пишет монарх. Далее следует непосредственно текст самого постановления, и снова резолюция на него имеет уважительный тон: «С предположениями Вашего Императорскаго Величества совершенно согласен». В более позднем документе, также авторства Марии Федоровны, ее предложение взять под покровительство *странноприимный дом* последовала уже и вовсе неюридическая резолюция: «Принятие Вашим Императорским Величеством под особое свое покровительство сего заведения послужит к устройению прочным образом его благосостояния». Это звучит иначе, нежели краткое *Исполнить*, всегда адресованное министру финансов. Но как бы ни была сформулирована фраза, именно резолюция с императорским одобрением придает прописанным в акте нормам силу правовых предписаний.

Заключение

Таким образом, в юридической практике Российской империи в XIX в. (по данным ПСЗРИ на 1801–1803 и 1823–1825 гг.) отмечено несколько форм нормативных правовых актов. Некоторые, обозначенные в этой работе как *узаконенные*, предусмотрены особой статьей Свода Законов Российской империи, а относительно *иных* форм актов закон умалчивает. *Иные* формы актов представляют обширную группу, куда входят Высочайше утвержденные Табели, Плакаты,

Планы, Журналы и т. п. Наиболее часто используются законодателем такие формы, как Высочайше утвержденные Штаты, Резолюции и Записки (табл. 3).

Подводя итоги расчетов, следует отметить, что нормативные правовые акты, форма которых не предусмотрена законодательством, представляют собой незначительную часть общего массива нормативных актов ПСЗРИ. Но очевидно, что пик приходится на 1802–1803 гг., т. е. на время наиболее глобальных реформ в области государственного управления. Поэтому можно предположить, что расширение практики использования нелегитимированных форм нормативных правовых актов связано с реорганизациями государственного аппарата.

Кроме того, несмотря на малое количество, такие акты, как Штаты, Записки и Резолюции, занимают определенное место в российском законодательстве начала XIX в. Они интересны современному исследователю как по содержанию, так и с точки зрения особенностей формы, инструментов юридической техники воплощения на бумаге правовых предписаний и придания им юридической силы того характера, который свойствен данной эпохе развития государства и права.

Литература / References

1. Вернадский Г. В. История права. СПб.: Лань, 1999. 175 с. [Vernadsky G. V. *Legal history*. St. Petersburg: Lan, 1999, 175. (In Russ.)]
2. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М.: Бр. Башмаковых, 1910. 806 с. [Shershenevich G. F. *General theory of law*. Moscow: Br. Bashmakovyh, 1910, 806. (In Russ.)]
3. Шатковская Т. В. Юридизация политических отношений в Российской империи в начале XVIII века: к истории становления российского публичного права. *Историко-правовой ежегодник – 2022*, ред. Д. А. Пашенцев. М.: Инфотропик Медиа, 2023. С. 77–88. [Shatkovskaya T. V. The legitimization of political relations in the Russian empire at the beginning of the xviii century: On the history of the formation of Russian public law. *Historical and legal yearbook 2022*, ed. Pashencev D. A. Moscow: Infotropik Media, 2023, 77–88. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xqmqui>
4. Баранов В. М., Демичев А. А. Правовая природа Свода законов Российской империи в свете истории и теории систематизации нормативных актов. *Систематизация законодательства в России: история и современность (К 175-летию Свода законов Российской империи)*: Междунар. круглый стол. (Москва, 18–19 января 2008 г.) М.: ИГП РАН, 2008. С. 42–50. [Baranov V. M., Demichev A. A. The legal nature of the Code of Laws of the Russian Empire in the light of the history and theory of systematization of normative acts. *Systematization of legislation in Russia: History and Modernity (175th anniversary of the Code of Laws of the Russian Empire)*: Proc. Inter. The round table, Moscow, 18–19 Jan 2008. Moscow: ISL RAS, 2008, 42–50. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ymoihg>
5. Лаптева Л. Е., Медведев В. В., Пахалов М. Ю. История отечественного государства и права. М.: Юрайт, 2011, 634 с. [Lapteva L. E., Medvedev V. V., Pahalov M. Yu. *The history of the Russian state and law*. Moscow: Iurait, 2011, 634. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vtsvjb>
6. Минникес И. В. Источники Российского права: проблемы эволюции. М.: ВГУЮ, 2009. 102 с. [Minnikes I. V. *Sources of Russian Law: Problems of evolution*. Moscow: ARSUJ, 2009, 102. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qrecpf>
7. Юртаева Е. А. Государственный совет в России. 1906–1917 гг. 2-е изд., испр. и доп. М.: URSS, 2011. 208 с. [Yurtaeva E. A. *The State Council in Russia. 1906–1917*. 2nd ed. Moscow: URSS, 2011, 208. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qprsnz>
8. Владимиров Г. Е. Определение видов и системы источников позитивного права в Своде основных законов Российской империи 1832 г. *Систематизация законодательства в России: история и современность*

Табл. 3. Общее количество нормативных актов по годам в соотношении с Штатами, Резолюциями и Записками
 Tab. 3. Legalized acts vs. states, resolutions, and notes by year

Год	Количество актов	Штаты, Записки, Резолюции	Соотношение в %
1801	320	5	1,6
1802	488	20	4,09
1803	536	26	4,85
1823	477	11	2,3
1824	470	14	2,98
1825	411	6	1,45
Итого	2702	82	3,03

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests in relation to the research, authorship and / or publication of this article.

- (К 175-летию Свода законов Российской империи): Междунар. круглый стол. (Москва, 18–19 января 2008 г.) М.: ИГП РАН, 2008. С. 244–250. [Vladimirova G. E. Types and system of sources of positive law in the Code of Basic Laws of the Russian Empire of 1832. *Systematization of legislation in Russia: History and Modernity (175th anniversary of the Code of Laws of the Russian Empire)*: Proc. Inter. The round table, Moscow, 18–19 Jan 2008. Moscow: ISL RAS, 2008, 244–250. (In Russ.)]
9. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. 2-е изд. СПб.: ЮЦ Пресс, 2004. 430 с. [Korkunov N. M. *Lectures on the general theory of law*. 2nd ed. St. Petersburg: YuTs Press, 2004, 430. (In Russ.)]
 10. Коркунов Н. М. Указ и закон. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1894. 408 с. [Korkunov N. M. *Decree and law*. St. Petersburg: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1894, 408. (In Russ.)]
 11. Котляревский С. А. Власть и право: проблема правового государства. М.: Мысль, 1915. 430 с. [Kotlyarevsky S. A. *Power and law: The rule of law*. Moscow: Mysl, 1915, 430. (In Russ.)]
 12. Юртаева Е. А. К пониманию закона в дореволюционной России. *Журнал российского права*. 2010. № 9. С. 83–98. [Yurtaeva E. A. On interpretation of the law in pre-revolutionary Russia. *Journal of Russian Law*, 2010, (9): 83–98. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ndlyfx>
 13. Ильина Т. Н. «Закон и указ»: нормативные акты Российской империи. *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2015. № 12. С. 95–106. [Irina T. N. "Law and Decree": standard regulations of the Russian empire. *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs*, 2015, (12): 95–106. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ujhwnd>
 14. Тарановский Ф. В. История русского права. М.: Зерцало, 2004. 238 с. [Taranovsky F. V. *The history of Russian law*. Moscow: Zercalo, 2004, 238. (In Russ.)]
 15. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высш. шк., 1983. 352 с. [Eroshkin N. P. *The history of state institutions in pre-revolutionary Russia*. Moscow: Vyssh. shk., 1983, 352. (In Russ.)]
 16. Демкин А. В. Дней Александровых прекрасное начало. Внутренняя политика Александра I в 1801–1805 гг. М.: Кучково поле, 2012. 320 с. [Demkin A. V. *The early rule of Emperor Alexander. The internal policy of Alexander I in 1801–1805*. Moscow: Kuchkovo pole, 2012, 320. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rvbrpn>
 17. Развитие русского права в первой половине XIX века, ред. Е. А. Скрипилев. М.: Наука, 1994. 314 с. [*The development of Russian law in the first half of the XIX century*, ed. Skripilev E. A. Moscow: Nauka, 1994, 314. (In Russ.)]
 18. Боханов А. Н., Захарова Л. Г., Мироненко С. В., Сахаров А. Н., Твардовская В. А. Российские самодержцы, 1801–1917. М.: Междунар. отношения, 1993. 400 с. [Bokhanov A. N., Zakharova L. G., Mironenko S. V., Sakharov A. N., Tvardovskaya V. A. *Russian autocrats, 1801–1917*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya, 1993, 400. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/urxbap>
 19. Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л.: Наука, 1988. 248 с. [Safonov M. M. *The problem of reforms in Russian government policy at the turn of the 18th and 19th centuries*. Leningrad: Nauka, 1988, 248. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zudprt>
 20. Балина О. Г. Политика Александра I и «просветительские реформы» в России в I четверти XIX века. *Культура. Духовность. Общество*. 2016. № 22. С. 24–36. [Balina O. G. The policy of Alexander I and the "educational reforms" in Russia in the first quarter of the XIX century. *Kultura. Dukhovnost. Obshchestvo*, 2016, (22): 24–36. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vmfyit>
 21. Сперанский М. М. План государственного преобразования графа М. М. Сперанского. (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.). М.: Русская мысль, 1905. 359 с. [Speransky M. M. *Plan of universal public education count M. M. Speransky. (Introduction to the Code of State laws 1809)*. Moscow: Russkaia mysl, 1905, 359. (In Russ.)]
 22. Рогов В. А. История государства и права России IX – начала XX веков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: МГИУ, 2006. 255 с. [Rogov V. A. *The history of the state and law of Russia in the IX – early XX centuries*. 3rd ed. Moscow: MGIU, 2006, 255. (In Russ.)]
 23. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. 2-е изд., доп. СПб.: СПбГУ, 2004. 223 с. [Muromcev S. A. *Definition and basic division of law*. 2nd ed. St. Petersburg: SPbSU, 2004, 223. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qvwymt>